

АЛЕКСАНДР
ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ
ИЛЬИН

Науки о человеке и обществе в России 1990-х – начала 2000-х: фрагменты дисциплинарной панорамы¹

Светлой памяти Натальи Самутиной (1972–2021)

Как объять необъятное, если ставить перед собой заранее невыполнимую задачу описания транзита советского обществознания в России в первое постсоветское десятилетие? Представленные ниже очерки развития отдельных дисциплин не могут претендовать на полноту (в частности, мы почти не будем затрагивать такие важные отрасли, как антропология и этнография, экономика и право-ведение, религиоведение, востоковедение, история искусства, науки и так далее). Институциональные новации, «революции переводов», сравнительные аспекты и социологические параметры академического мира тоже окажутся за рамками повествования. Наш рассказ будет посвящен преимущественно центральным фигурам в значимых академических исследова-

1 Данная работа – часть большого проекта, выполненного по заказу Фонда Ельцина в основном в 2020–2021 годах и посвященного изучению трансформационных процессов в гуманитарных и социальных науках в 1990-е. Выражаем огромную благодарность Илье Кукулину за инициативу в подготовке текста и важные методологические и фактические замечания.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

тельских институтах и вузах, и мы можем лишь указать на ракурс – не идейный, а антропологический. Ведь, говоря о 1990-х, очень важно напомнить о локальных сообществах и их трансформации, о преподавателях, которые осваивали тогда новые для себя курсы или читали старые, сменив только их название, или о занятых «бедной наукой» «рядовых ученых». Сводилась ли эта антропология науки «снизу» к *выживанию* – едва ли не самой распространенной ретроспективной метафоре?²

Наиболее известной и эвристически продуктивной рамкой нам кажется предложенная Михаилом Соколовым и Кириллом Титаевым *социологическая* пара «туземной» и «провинциальной» науки. Коротко говоря, это разделение сторонников собственных, автохтонных научных иерархий, теорий и наборов классиков, с одной стороны, и, с другой, – ученых, пытающихся найти свое место в более или менее глобализированных системах координат, тех, кто старается приблизиться к воображаемому или реальному «мировому центру» производства знания³. Следует сразу сказать, что характеристики «провинциальная» и «туземная» не должны восприниматься как сугубо уничижительные – скорее они фиксируют различные ориентиры на уже сложившееся разделение умственного труда после конца «второго мира». Другие авторы уже в 1990-е отмечали сепарацию внутри академического цеха на нескольких групп, где меньшинство быстро научилось работать с западными фондами – и в эпистемологическом смысле оно стало основой именно для «провинциальной» науки, ориентированной на центр в паттернах цитирования, манере академического письма и многих других деталях⁴. Эти наблюдения и теории, основанные на российском материале, имеют много пересечений с исследованиями научного национализма и интернационализации в рамках транснациональной истории и социологии социальных и гуманитарных наук, опирающейся преимущественно на идеи Пьера Бурдьё⁵.

**АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН**

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

Александр Дмитриев (р. 1973) – исследователь, сотрудник лаборатории истории науки и техники Федеральной политехнической школы в Лозанне (EPFL, Швейцария).

Андрей Ильин (р. 1992) – исследователь, научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

- 2 См.: Соколов М.М. *Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки»* // Laboratorium. 2009. № 1. С. 20–57.
- 3 Соколов М.М., Титаев К.Д. *Провинциальная и туземная наука* // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275; см. также: Форум «Провинциальная и туземная наука» // Там же. С. 9–236; Гапова Е. *Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки* // Ab Imperio. 2011. № 4. С. 289–323.
- 4 BAIN O. *University Autonomy in the Russian Federation since Perestroika*. London: Routledge, 2003. P. 106–107; SHANKSELIANI M. *What Happened to the Soviet University?* Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 78–107; СЕМЕНОВ Е.Н. *Академическая наука в конкурсах РФФИ* // Поиск. 1998. № 21 (16–22 мая). С. 380; см. также: БАТЫГИН Г.С. *Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России* // Социальные науки в постсоветской России / Ред. Г.С. Батыгин, Л.А. Козлова, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005. С. 325–327.
- 5 FLECK CH., DULLER M., KARÁDY V. (Eds.). *Shaping Human Science Disciplines: Recent Institutional Developments in the Social Sciences and Humanities in Europe and beyond*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019; SAPIRO G., SANTORO M., BAERT P. (Eds.). *Ideas on the Move in the Social Sciences and Humanities: The International Circulation of Paradigms and Theorists*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.

В разных локальных сообществах бытовали несхожие представления о том, как должна быть организована наука, каковы критерии и методы получения научного знания. К концу 1990-х ученым удалось так или иначе нейтрализовать в общественном мнении популярные ранее идеи «новой хронологии» математика Фоменко или интерес к фальшивкам вроде «Велесовой книги» – но процесс покупки «профильных» диссертаций чиновниками, политиками и администраторами укрепился именно в тот период.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Социология еще в перестройку получила причитающийся ей статус в системе высшего образования. Помимо первых социологических факультетов в Ленинграде и Москве, схожие вузовские институции быстро возникли почти в любом региональном центре. Появилась возможность защищать диссертации по социологии, что стало основой принципиально иной по масштабу системы аккредитации новых специалистов и преподавателей по сравнению с 1980-ми. Важной особенностью российской социологии стало размытие границ между собственно наукой и прикладной индустрией опросов. Главным игроком в последней стала созданная еще в 1987 году опросная служба ВЦИОМ, возглавляемая Татьяной Заславской, а затем Юрием Левадой. ВЦИОМ воспринимался как один из основных поставщиков эмпирического материала для научного анализа; но уже в начале 1990-х число различных прикладных маркетинговых или консультационных структур заметно выросло.

К основному для советского периода журналу «Социологические исследования», выходявшему с 1974 года, в 1990-е добавились новые периодические издания: «Мониторинг общественного мнения», «Социологический журнал» и ряд других. К концу десятилетия в год в среднем выходили 300–400 книг и брошюр по социологии⁶.

Конец СССР привел к исчезновению прежней командно-административной системы и партаппарата, на нужды которых во многом работали советские социологи (что не отменяет отдельных случаев свободомыслия некоторых представителей данной дисциплины). Это вызвало необходимость приспособливаться к новым рыночным условиям и политическим реалиям. Основными темами для изучения – помимо коммерческих заказов на маркетинговые исследования – стали различные аспекты центральных для правительства того времени проблем: успешность

6 Социология в России / Ред. В. А. Ядов. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 41.

социально-экономических реформ и их популярность, проблемы бедности, межнациональных отношений и так далее⁷.

Главенствующие позиции в дисциплине занимали представители старой школы, преимущественно пришедшие в социологию еще в «оттепель». Помимо упомянутых директоров ВЦИОМ, это были «консерватор» Геннадий Осипов и «новатор» Владимир Ядов. Многие из них в той или иной форме поддерживали структурный функционализм, восходящий к популярному в СССР Толкотту Парсонсу⁸. Еще с 1960-х они были сторонниками изучения больших и стабильных структур, составляющих несущие конструкции воспроизводства общества как единой системы. Но в экспертизе для властей, отчасти в маркетинге и в опросном бизнесе приоритет оставался у специалистов, куда более приземленных в своих выводах, опирающихся на использование математических методов и работу со статистикой. На факультетах социологии сильные позиции нередко занимали вчерашние преподаватели советских «общественных наук», которые старались соединить привычные им марксистско-ленинские установки с новыми для них идеями – например, геополитикой или идеологически толкуемым православием⁹.

Социология никогда не представляла собой единого лагеря, размежевания в нем проходили не всегда по теоретическим, но также и по политическим мотивам. Признаком этого был раскол Института социологии РАН, от которого, пока директором был Ядов, еще в 1991 году отделился более консервативный Институт социально-политических исследований Геннадия Осипова¹⁰.

Влияние парсонсовской или мертоновской социологии было велико, но постепенно смягчалось отчасти за счет идей представителей «понимающей социологии» и Чикагской школы, культурологических подходов Альфреда Шюца и Норберта Элиаса, а также медленного – по сравнению с гуманитариями – проникновения постмодернистских установок в среду социальных

**АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН**

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

- 7** См.: Бикбов А.Т., Гавриленко С.М. *Российская социология: автономия под вопросом* // Логос. 2002. № 5–6. С. 186–210.
- 8** См., например: Заславская Т.И. *Социальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция*. М.: Дело, 2003. О развитии структурного функционализма в советской социологии см.: ТИТАРЕНКО L., ZDRAVOMYSLOVA E. *Sociology in Russia: A Brief History*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 11; Филиппов А.Ф. *Камень, который отвергли строители. Статья вторая* (https://cfs.hse.ru/social_disc_2).
- 9** Бикбов А.Т. *Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Издательство ВШЭ, 2014. С. 398–404.
- 10** Там же. С. 334. См. характерные работы руководителя института Геннадия Осипова: Осипов Г.В., Локосов В.В. *Социальная цена неолиберального реформирования*. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001; и сводные отчеты Института конца 1990-х: Глазьев С.Ю., Осипов Г.В., Локосов В.В., ШЕНАЕВ В.Н. *Россия: преодоление национальной катастрофы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1998 году*. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1999; Осипов Г.В., Левашов В.К., Локосов В.В., Суходеев В.В. *Россия в поисках стратегии: общество и власть. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1999 году*. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000; и т.п.

ученых¹¹. Хотя усилиями Натальи Шматко и Юрия Качанова уже в 1990-е стали появляться первые переводы Пьера Бурдьё на русский язык, его широкая популярность и признание – в том числе среди гуманитариев и философов – придет скорее после начала 2000-х с показательной задержкой (на исходе XX века Жан Бодрийяр в России воспринимался как куда более яркий и популярный социальный «теоретик постмодерна»).

В социологии и в смежных дисциплинах заметным стало влияние и Макса Вебера, также уравновесившее структурный функционализм. Внимание к теориям Вебера или Зиммеля (силами Юрия Давыдова или Леонида Ионина) означало интерес к более номиналистской теории, сконцентрированной на индивиду, его сознании и способности к действию¹². Давыдов давно критиковал Франкфуртскую школу с позиций, которые уже в 1990-е прямо отсылали к антимарксизму авторов «Вех» (то есть идеям 80-летней давности) или уже к современному немецкому неоконсерватизму (например Гюнтеру Рормозеру). Ионин – как автор базового учебника по социологии культуры – печатал в 1990-е и куда более вторичные и даже «проходные» работы по феномену советского¹³. К концу десятилетия начались все более активные теоретические дискуссии; стал более заметен голос сторонников этнометодологии, микросоциологии, символического интеракционизма и других – менее строгих, ориентированных на качественные методы и меньший масштаб исследований. О социальной теории большого масштаба с опорой на немецкие образцы (от Фердинанда Тенниса и Карла Шмитта до Никласа Лумана и Ульриха Бека) последовательно заботился в 1990-е Александр Филиппов – ученик и во многом последователь Давыдова. И это идеологически безусловно ангажированное предприятие в то же время оставалось достаточно дистанцировано от прямых и даже косвенных связей с политическими силами и течениями 1990-х. Например, важная книга социологов Леонида Гордона и Эдуарда Клопова о России того периода, хотя и писалась, по признанию самих авторов, в «народно-социалистической перспективе», с политической сценой рубежа веков и альтернативами проводимому курсу связана не была¹⁴.

11 См.: Качанов Ю.Л. *Социальная и смысловая структура современного российского социологического дискурса*. М., 2000.

12 См.: Губа К.С. *Западная теория в петербургской социологии: между Максом Вебером и Эрвином Гофманом* // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 83–97.

13 См.: Ионин Л. *Совок остается совком* // Мегapolis. 1991. 25 июля; Он же. *Свобода в СССР: статьи и эссе*. СПб.: Фонд «Университетская книга», 1997; или даже фантастические сценарии: Он же. *Русский апокалипсис*. М.: Арг-Медиа, 1999. Ср. субъективный взгляд: Докторов Б.З. Л.Г. Ионин: «Надо соглашаться с собственным выбором» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 2–14.

14 Гордон Л.А., Клопов Э.В. *Потери и приобретения в России девяностых*. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 4–5.

Изменение общественной жизни потребовало также трансформации знания о политике. За определение новой политологической науки соперничали несколько групп. Члены Советской ассоциации политических наук, существовавшей с 1960 года, к исходу перестройки были далеки от современных реалий конкретной политики и активного трансфера различных западных моделей и практик (кроме перечисленных ниже знатоков зарубежных теорий). Среди них были заметны бывшие официальные обществоведы-международники, считавшиеся в прошлые годы одними из наиболее «либеральных» и «прогрессивных» среди коллег¹⁵. Самым видным их представителем был многолетний председатель политологической ассоциации и один из руководителей международных отделов ЦК КПСС Георгий Шахназаров, к этому полюсу примыкали Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) и бывший Институт международного рабочего движения, ставший Институтом сравнительной политологии (и там, и в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) работали «зарубежники» Кирилл Холодковский, Георгий Мирский, Герман Дилигенский, Александр Галкин, Алексей Салмин и другие)¹⁶. Также политологией стали заниматься вчерашние специалисты по «конкретным социологическим исследованиям» – в частности, упомянутый Институт социально-политических исследований под руководством Осипова. Университетская политология (кроме элитного МГИМО) строилась на местах, по сути, усилиями младших преподавателей «красных» дисциплин вроде истмата или научного коммунизма, часто – за счет несложной перелицовки соответствующих отделений и кафедр¹⁷.

Связь с советским периодом этой, нередко претендующей на абсолютную новизну, дисциплины проявилась, в частности, в перечне периодических изданий, с ней связанных. Одним из основных стал журнал «Мировая экономика и международные отношения», который выходит при одноименном институте с 1956 года, а журнал «Полис. Политические исследования» был преобразован из прежнего издания Института международного рабочего движения «Рабочий класс и современный мир».

Некоторые из недавних советских обществоведов и философов сделали ставку на интеграцию в международное акаде-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

15 Воробьев Д.М. и др. *История Российской ассоциации политической науки*. М.: Аспект Пресс, 2015.

16 Холодковский К.Г. Г.Г. Дилигенский и его школа // *Полития*. 2000. № 3(17). С. 188–193; Соболев В.А., Шутов А.Ю. *Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания* // *Диалог со временем*. 2020. № 71. С. 28–38.

17 Ср. «парадный» очерк: Шестопал Е.Б. *Становление факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в контексте развития российской и мировой политической науки* // *Вестник Московского университета*. Серия 12 «Политические науки». 2009. № 1. С. 10–17; см. также: Пляйс Я.А. *Политология в контексте переходной эпохи в России*. М.: РОССПЭН, 2009. С. 12–65.

мическое сообщество. Одним из центров этого направления в политологии стал во второй половине 1990-х Европейский университет в Петербурге (Владимир Гельман, Григорий Голозов и их последователи). Политология, однако, больше ассоциировалась не с такими центрами академического совершенства, а скорее с неровной по качеству экспертизой и политологическим образованием, которое нередко сводилось либо к общим курсам по философии, либо, в случае «прикладной политологии», к рассказам о политтехнологических уловках и тонкостях политического пиара¹⁸.

Политическая теория (назовем здесь Олега Хархордина, а также и адаптацию идей республиканизма и левоориентированных трактовок современности Борисом Капустиним; стóит упомянуть и дебаты о теории справедливости в духе Джона Ролза) оказалась не слишком востребованной в российских идейных дискуссиях 1990-х, оставаясь своего рода искусством для искусства. Ближе к практике была специальная экспертная среда по внешнеполитическим вопросам, которая наравне с описанными старыми центрами (вроде ИМЭМО или МГИМО) включала и новые дискуссионные площадки¹⁹. В университетской области это означало и выход специальности «международные отношения», особенно в регионах, далеко за пределы прежних ведомственных учебных заведений вроде Дипломатической академии или МГИМО.

История

История была большой и сложно устроенной дисциплиной, при этом относительно давно устоявшейся и хорошо институционализированной. Во всех университетах и педагогических институтах существовали исторические факультеты; история России и зарубежных стран была обязательным предметом в школах и вузах, что закрепляло востребованность преподавателей и возможности кадрового пополнения²⁰.

18 Амелин В.Н., Дегтярев А.А. *Опыт развития прикладной политологии в России* // Полис. Политические исследования. 1998. № 3. С. 157–178; Бляхер Л.Е. *Парадоксы провинциальной политологии (записки провинциала)* // Социологическое обозрение. Т. 1. № 1. 2001. С. 68–80.

19 *Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики* / Ответ. ред. Н.Ю. Беляева. М.: РАПН; РОССПЭН, 2012; Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. *Фабрики мысли: международный и российский опыт*. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014.

20 См. попытку обобщающего очерка с важным посылом удержания (все еще) «общесоюзного пространства»: *Национальные истории в советском и постсоветском государствах* / Ред. К. АЙМЕРМАХЕР, Г. БОРДЮГОВ. М., 1999; см. также: Согрин В.В. *1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма* // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20–34; сравнительный контекст: KASTANOV G., THER P. (Eds.). *A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography*. Budapest: CEU Press, 2009; YEKELCHUK S. *Bridging the Past and the Future: Ukrainian History Writing Since Independence* // Canadian Slavonic Papers. 2011. Vol. 53. № 2–4. С. 559–573.

Существовавшие уже десятилетиями статусные издания вроде «Вопросов истории» и «Отечественной истории», «Средних веков» и ряда других поддерживали связность внутри этого довольно широкого сообщества и его сегментов (гораздо в большей степени, чем «Вопросы философии» для философов или «Вопросы экономики» для специалистов в этой области). Редакции этих журналов зачастую предпочитали публиковать фактологические исследования по традиционным и открывшимся из-за отмены цензуры темам, не ввязываясь в концептуальные споры. Возникающий тем не менее интерес к теории заставлял историков обращаться к переводам и работам местных авторов, которые публиковались в новых журналах и сборниках вроде «Одиссея», «Казуса», «Нового литературного обозрения» («НЛО»)²¹.

Советские историки к началу 1990-х не были слишком ограничены марксистско-ленинской доктриной, сочетая защитную «панцирную» (а не «скелетную» несущую) методологию, выражающуюся прежде всего в комбинации цитат из классиков в предисловиях с обычным подходом «клея и ножниц», умелой компоновкой и обработкой источникового материала²². Однако идеологические ограничения в оценке тех или иных событий были все равно достаточно серьезными, чтобы их отмену почувствовали на себе все²³.

С падением «железного занавеса» историки получили возможность больше коммуницировать с коллегами и по возможности ездить в недоступные ранее архивы и библиотеки. Значительная часть историков – специалистов по XX веку, – пользуясь концом прежних идеологических ограничений и открытием документов в местных архивах, вместе с западными коллегами приняли участие в «архивной революции»²⁴. Применительно к работе именно партийного аппарата и частично осведомительной деятельности спецслужб эти материалы помогли создать релевантную и достоверную картину политической истории советского общества, его внутренних

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

21 См.: Копосов Н. *Память строгого режима: история и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 181–227.

22 *Советская историография* / Ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: РГУ, 1996. Ситуация в СССР была довольно типичной для соцлагеря, где официальные историки во многом оставались позитивистами: GÖRNY M. *The Nation Should Come First: Marxism and Historiography in East Central Europe*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013.

23 ЗВЕРЕВА Г.И., РЕПИНА Л.П. *Историческое образование в высшей школе России: состояние и проблемы* // АРАПОВ М.В. и др. *Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы*. М.: Логос, 2003. С. 486–532. См. очень важный ретроспективный взгляд от одного из самых известных советских и российских медиевистов старшего поколения: БЕССМЕРТНЫЙ Ю. *Август 1991 года глазами московского историка. Судьбы медиевистики в советскую эпоху* // *Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного*. М.: Наука, 2003. С. 29–55; КОПОСОВ Н.Е., БЕССМЕРТНАЯ О.Ю. *Юрий Львович Бессмертный и «новая историческая наука» в России* // Там же. С. 122–160.

24 RALEIGH D.J. *Doing Soviet History: The Impact of the Archival Revolution* // *The Russian Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 16–24.

механизмов и кризисов функционирования. Именно в 1990-е формируются два полюса исторических объяснений феномена сталинизма: безоговорочно-критический, на тот момент мейнстримный, – у Олега Хлевнюка или последователей Шейлы Фицпатрик, – и рождающийся ревизионистский, оправдательный – у Юрия Жукова и будущих апологетов «эффективного менеджера»²⁵.

Разумеется, занятия сталинским периодом или советским прошлым не исчерпывали всего поля работы историков. В перестройку был очевиден интерес к альтернативам сталинизма, воплощенный в таких фигурах, как Троцкий или Бухарин. После же 1992 года все больший вес приобретают знатоки истории утраченной империи – Лариса Захарова, Александр Каменский, Борис Миронов, Леонид Милов – или создатели региональных школ по местным сюжетам: Николай Покровский и Михаил Шиловский в Новосибирске, Анатолий Ремнев в Омске, ученики Александра Пронштейна и специалисты по казачеству на юге России²⁶. В области изучения Древней Руси и Московского царства также произошли заметные сдвиги, связанные с отказом от формационной парадигмы, патриотического толкования «норманского вопроса» и прежних споров о «раннефеодальной природе» Киевского государства.

Именно в 1990-е формируются два полюса исторических объяснений феномена сталинизма: безоговорочно-критический, на тот момент мейнстримный, и рождающийся ревизионистский, оправдательный.

Историки-«зарубежники» были наследниками советского подхода к организации науки, который требовал наличия экспертизы по всем основным регионам и периодам. Падение «железного занавеса» не только упростило доступ к предмету исследования, но и поставило под сомнение необходимость поддержки целых областей в связи с сокращением финансирования и усилившейся конкуренции со стороны иностранных специалистов, занятых сходными сюжетами. Сильной стороной «международников» было их лучшее знакомство с современ-

25 Хлевнюк О.В. *Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы*. М.: РОССПЭН, 1996; Жуков Ю.Н. *Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков*. М.: Терра – Книжный клуб, 2000.

26 На этом фоне ревностный монархист или поклонник Александра III Александр Боханов (автор серьезных трудов и школьных учебников по истории России рубежа XIX и XX веков), как и петербургские историки-борцы с масонством Игорь Фроянов или Владимир Брачев были еще тогда исключением. Важным мейнстримным трудом академических петербургских историков 1990-х стала книга: *Власть и реформы: от самодержавной к советской России* / Ред. В.А. Шишкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

ными историографическими направлениями и теоретическими дебатами. Ведущая роль в освоении новых теорий и подходов принадлежала медиевистам, хотя некоторые специалисты по Новой истории также пытались развивать теорию, например, спланировав вокруг наследия Николая Кареева, как это происходило, в Петербурге середины 1990-х усилиями специалиста по русско-бразильским связям Бориса Комиссарова из СПбГУ. Другим важным исключением относительно распространенного безразличия к поискам новой теории стала история крестьянства с ее попытками обращения к наследию Александра Чаянова или к современной «моральной экономике» (благодаря междисциплинарным усилиям Теодора Шанина и его последователей).

Альтернативным путем теоретизирования могли бы стать заимствования из социологического наследия Макса Вебера, Норберта Элиаса и других традиционно близких к историографии авторов, однако они были не слишком хорошо известны российским историкам. Отчасти сохранялось влияние марксизма через «резекспорт» его как западного извода – например, идей Эрика Хобсбаума, которого переводили еще издательством «Прогресс» в 1980-е и затем уже в 1990-е, во время бума переводов²⁷.

На фоне интереса к «Анналам»²⁸, Хобсбауму и к освоению идей Иммануила Валлерстайна (через Фернана Броделя) некоторые авторы постарались создать новую большую теорию, которая заменила бы собой прежний казенный марксизм-ленинизм или бы творчески его переработала. Попытки найти новую стадиальность вместо формаций предпринимали, написавший свое «Прощание с Марксом», Валентин Вильчек (вышли два издания в 1989-м и 1993 году) и востоковед Игорь Дьяконов, постаравшийся в книге «Пути истории» (1994) усовершенствовать советский исторический материализм за счет подчеркивания роли моральных ценностей и инноваций в военном деле, а также более дробной классификации исторических периодов. Выпущенная в перестройку работа по теории и методологии Ивана Ковальченко, специалиста по аграрной количественной истории XIX века, также стремившегося несколько усовершенствовать привычные марксистские схемы, еще оставалась в ходу и в 1990-е²⁹.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

27 *История марксизма: В 4 т.* / Ред. Э. Хобсбаум. М.: Прогресс, 1981–1986 (это было характерное переводное «издание для служебного пользования»); Хобсбаум Э. *Век революции. Европа 1789–1848*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999; Он же. *Век капитала. 1848–1875*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999; Он же. *Век империи. 1875–1914*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

28 Существенную роль в укреплении репутации французской историографии сыграла книга: Гуревич А.Я. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. М.: Индрик, 1993.

29 Вильчек В.М. *Прощание с Марксом*. М.: Прогресс; Культура, 1993; Дьяконов И.М. *Пути истории*. М.: Восточная литература, 1994; Ковальченко И.Д. *Методы исторического исследования*. М.: Наука, 1987.

В стремлении создать теорию истории некоторые историки – например, источниковеды из Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и представители Омской историографической школы – обращались к неокантианству Александра Лаппо-Данилевского начала XX века³⁰. Трансляция современных эпистемологических теорий в рамках исторического цеха и анализ современных историографических направлений усилиями Галины Зверевой, Лорины Репиной, Ирины Савельевой и Андрея Полетаева и ряда других исследователей в целом оказалась более продуктивной и более важной в перспективе³¹.

ФИЛОЛОГИЯ ВЫИГРАЛА У ФИЛОСОФИИ?

Изучение литературы и языка после перестройки, пожалуй, легче всего освободилось от предписаний марксизма-ленинизма (по сравнению с историей или социологией). Уже накопленный опыт структуралистских исследований с начала 1960-х задавал вектор понимания автономии искусства как самостоятельной области знаковой деятельности – и именно таким был императив Московско-Тартуской семиотической школы. И этот вектор совпадал методологически, но поразительно отличался идеологически от французского структурализма с его крайне левыми установками в духе «мая 1968 года».

Уже к середине 1980-х прежняя ригористичность в изучении знаковых систем сменилась в околотартуской среде вниманием к природным детерминантам – например, влиянию физиологии мозга на человеческую культуру. Предпринимались попытки найти параллели между учением о самоорганизации природных систем в духе синергетики Ильи Пригожина и устройством культуры. Особенное внимание уделялось культурному контексту производства текстов и их эстетической рецепции. Интересы позднего Лотмана в Тарту и его последователей в иных центрах уже новой России концентрировались не столько на внутренних механизмах смыслопорождения (как раньше), сколько на культурной «сделанности» как исторических, так и актуально-политических феноменов. В этой связи, вероятно, нужно особенно выделить возглавленный Елеазаром

30 Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. *Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории: учебное пособие*. М.: РГГУ, 1998; Якуб А.В., Бычков С.П. Валентина Павловна Корзун – основательница Омской историографической школы. К юбилею // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 7–8.

31 Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998; Полетаев А.В., Савельева И.М. *История и время. В поисках утраченного*. М.: Языки русской культуры, 1997; Хут Л.Р. *Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.* М.: Прометей, 2010.

Мелетинским Институт высших гуманитарных исследований в РГГУ (создан весной 1992-го), где ежегодно с 1993 года проводились Лотмановские чтения³².

Оплотом этих постструктуралистских тенденций, принципиально ориентированным на все современное (и соответственно «западное»), стал уже упомянутый журнал «Новое литературное обозрение». Его противовесом был руководимый Максимом Шапиром неперIODический журнал «Philologica», который сделал своей программой сохранение прежней структуралистской ортодоксии и аналитической тщательности (в противовес постмодернизму, понимаемому авторами и редакторами «Philologica» как апология субъективного произвола и приблизительности)³³. Совсем традиционная филология позитивистского, «доструктуралистского» типа воспроизводилась во множестве вузовских или университетских факультетов (порой – что выглядело странно – даже под знаменем Бахтина как «отечественного мыслителя» *per se*) или академических институтов вроде Института мировой литературы или Института русской литературы, а также на страницах выживших с советских времен «Вопросов литературы» и многочисленных университетских «Вестников» или академических «Известий». К этому полюсу «сбережения традиции» – при всем интересе к достижениям нарратологии или наследию Пражского лингвистического кружка – были близки и многие литературоведы из новаторского по общей миссии РГГУ образца 1990-х (Самсон Бройтман, Михаил Дарвин, Валерий Тюпа и другие). Объединителем (и в то же время будущей площадкой размежевания), помимо традиции Бахтина, стало также наследие формалистов 1920-х – последних (в отличие от «круга “НЛО”») стремились революционно использовать и интерпретировать специалисты старшего поколения (Александр Чудаков, Сергей Бочаров, Ирина Роднянская) с привлечением довольно консервативных по мировоззренческим установкам американских славистов вроде Кэрил Эмерсон или Гэри Соула Морсона. Виталий Махлин, который во множестве публикаций 1990-х разворачивал Бахтина в сторону «добротной» и респектабельной западной герменевтики (Ханс-Георг Гадамер, Ханс-Роберт Яусс), особенно не преуспел в попытках сделать российскую филологию более философичной и сознающей связь с богатой традицией старинной риторики (к этой программе были близки журнал и издательство «Лабиринт» Александра Махова и Игоря Пешкова)³⁴.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

32 См.: *Свой путь в науке. Коллективный портрет ИВГИ* / Сост. Н.С. Автономова, Е.П. Шумилова. М.: РГГУ, 2004; Мильчина В.А. *Хроники постсоветской гуманитарной науки. Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения*. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

33 См. материалы памяти Максима Шапира: *Philologica*. 2003/2005. № 19/20. С. 7–26.

34 См. три выпуска полновесных «Бахтинских сборников» под редакцией Виталия Махлина, вышедших в 1990-е.

Из мировоззренческих полюсов филологии 1990-х явно преобладающим стал «объективистский» ориентир Михаила Гаспарова³⁵, а не философско-герменевтические и культуртрадиционалистские установки Сергея Аверинцева (вопреки огромной популярности последнего еще в 1970-е).

В философии много значила волна переводов и освоения современного знания. Деятельностная парадигма (заданная идеями Ильенкова 1960–1970-х) и весьма самобытная «постнеоклассическая» философия науки продолжала удерживать академический и вузовский мейнстрим (Владислав Лекторский, Иван Фролов³⁶, Вадим Степин). Пионерами освоения нового были Владимир Бибахин (переводчик Хайдеггера и Деррида)³⁷ и авторы, близкие к англо-американской аналитической мысли. Доставшийся от Валентина Асмуса вектор освоения классической «континентальной» философии, особенно кантовской, продолжали Эрих Соловьев и Нелли Мотрошилова, связанные с шестидесятилетней традицией.

Одним из ключевых идейных сюжетов 1990-х стала адаптация идей постструктурализма и, шире, постмодернизма в российской гуманитарной науке (где главной оказалась трансляция идей Мишеля Фуко, явно обогнавшего Жана Бодрийяра, Ролана Барта и Жака Деррида, а также Поля де Мана или Жилия Делёза и Феликса Гваттари)³⁸. Этот процесс рецепции в дисциплинарном измерении двигался неравномерно: усилия Валерия Подороги и Михаила Рыклина, а также Натальи Автономовой остались достоянием философского поля, в то время как более значимым для гуманитариев или социальных теоретиков «вообще» оказались одновременно критические и прикладные начинания Александра Жолковского, Сергея Зенкина и Сергея Козлова (промежуточной можно считать особую позицию Михаила Ямпольского, близкого сразу двум лагерям)³⁹.

35 В том числе благодаря популярности его проекта «Записей и выписок», изданных после журнальных публикаций отдельной книгой в издательстве «Новое литературное обозрение».

36 Усилиями Ивана Фролова и его коллег в Москве в 1993-м был проведен представительный международный форум: Корсаков С.Н. *XIX Всемирный философский конгресс (Москва, 1993) в истории отечественной филологии* // Философские науки. 2009. № 8. С. 127–140.

37 См.: Павлов И.И. *Перестройка и девяностые в герменевтике Владимира Бибахина* // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 2. С. 174–187. Выход альманаха «Наше положение: образ настоящего» (М., 2000; с участием Владимира Бибахина, Ольги Седаковой, Сергея Хоружего и их единомышленников) так и остался внеинституционализированным, по сути, кружковым событием.

38 См. посвященный рецепции Фуко специальный блок в: Новое литературное обозрение. 2001. № 3(49). О Деррида см.: *Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия* / Перев. с фр. и англ.; предисл. М.К. Рыклина. М.: РИК «Культура», 1993. О влиянии постмодернизма, переводах Валерия Подороги, Михаила Рыклина и Елены Петровской, издаваемых в «Ad Marginem», см.: KNARKNORDIN O. *From Priests to Pathfinders: The Fate of the Humanities and Social Sciences in Russia after World War II* // The American Historical Review. 2015. Vol. 120. № 4. P. 1287.

39 *Философия филологии (круглый стол)* // Новое литературное обозрение. 1996. № 4(17). С. 45–93; Автономова Н.С. *Философия и филология (о российских дискуссиях 1990-х годов)* // *Ускользающий контекст. Русская философия в XX веке*. М.: Ad Marginem, 2002; Она же. *Философия и филология* // *Наука глазами гуманитария*. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 634–658.

Если судить по журналам 1993-го и 1999 годов, тетрадки «Вопросов философии» или ориентированного на феноменологию «Логоса» (детище Валерия Анашвили⁴⁰) тоже уступали по наполнению и качеству переводов солидным томам «НЛО» или «Philologica». На стороне филологов – при всей причастности большинства из них к строгим методам – оказалась и литературная (метафигуральная), игровая сторона постмодерна, его близость к гибридным жанрам и «вненаучной» литературной критике и культурной прагматике⁴¹.

В филологическом кластере одним из лидеров по ссылкам из западной литературы к концу 1990-х стал Хейден Уайт (одновременно признанный и как теоретик исторической науки), который в российском контексте стал дополняться антропологией Клиффорда Гирца. На Гирца, в частности, опирался Андрей Зорин в снискавшей популярность книге «Кормя двуглавого орла...» (2001), где представил глубокий анализ связи литературной метафоры и политической идеологии имперского строительства (на материале русской культуры XVIII–XIX веков). То, что может считаться местной версией «лингвистического поворота» в гуманитарных науках, получило и философскую легитимацию в виде трансляции идей «французской теории»⁴².

Афоризм Деррида «вне текста не существует» стал во второй половине 1990-х своего рода лозунгом с характерным и неизбежным отставанием примерно на 15–20 лет от американских интеллектуальных поветрий. Обзорами уже новейших мод должны были стать недолговечные издания Глеба Павловского и Сергея Чернышова конца 1990-х: «Интеллектуальный форум», преимущественно рецензионный «Пушкин», стремительно исчезнувший «глянцевый философский журнал» «На посту». Попытки Юрия Качанова распространить «лингвистический поворот» на российские социальные науки или более дисциплинарно строгие упражнения Геннадия Батыгина (в стиле Роберта Мертона) последствий в целом не возымели; зато, в отличие от «немецкой» герменевтики, медиа-исследованиям в духе Маршала Маклюэна принадлежало в России немалое бу-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

40 Анашвили В. *Моя жизнь и есть «Логос»* // Colta. 2016. 25 июля (www.colta.ru/articles/media/11863-valeriy-anashvili-moya-zhizn-i-est-logos); Козырев А.П. «Логос» шивает несколько совершенно разных эпох, диаметральных по своим устремлениям, надеждам, ожиданиям, стилям // Логос. 2014. № 4. С. 45–55 (рядом с ретроспективными публикациями в том же номере).

41 Знаковыми фигурами литературной «трансфигурации» постмодернизма из философской плоскости в культурно-публичную в середине 1990-х стали филолог Михаил Эпштейн и особенно вошедший тогда в моду литературный критик, писатель и журналист Вячеслав Курицын (Курицын В. *Русский литературный постмодернизм*. М.: ОГИ, 2000). См.: Конди Н., Купсан Е. *Литературная теория и возрождение академизма в постсоветской России* // *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи* / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 723–760.

42 Зорин А. *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

дущее⁴³. Но в целом коммуникативный или социологический повороты в русской гуманитаристике и филологии (о необходимости второго не раз говорили в 1990-е соратники Левады – Борис Дубин и Лев Гудков)⁴⁴ произойдут только в XXI веке.

«ПОВОРОТ К ЧЕЛОВЕКУ»?

Российская культурология, официально признанная в 1990-е, в конструировании своей истории охотнее отсылала к исследованиям 1970-х или даже к идеям широко понятого Серебряного века, вплоть до наследия едва ли не пушкинских времен⁴⁵. Ее синтетичность сказалась на заимствовании работ и концепций самых разных авторов, эпох и специальностей. Особенно упоминания заслуживают пионерские труды музыковеда Татьяны Чередниченко (1955–2003)⁴⁶ или специалистки по истмату и советскому массовому сознанию 1920–1930-х Натальи Козловой (1946–2002)⁴⁷.

В психологии в 1990-е развивалось как академические, так и «практические» отрасли: прежняя «деятельностно-марксистская» школа Алексея Леонтьева (на основе идей круга Выготского), все более востребованные когнитивистские подходы и установки, а также усвоение и рецепция богатейшей психоаналитической традиции – от классических работ Фрейда до Лакана или его восточноевропейских переинтерпретаторов. Заметными общественными и идеологическими факторами гуманизации образования в 1990-е была деятельность Владимира Зинченко в Российской академии образования и его административная работа в министерстве образования России⁴⁸. Важным эффектом внедрения субъект-ориентированных идей в сферу педагогики стали новации философов Василия Давыдова и Анатолия Арсеньева, а также наследников «мыследеятельностных

43 Еще до появления полных переводных работ уже в 2000-е отметим обзорный труд Валерия Терина, преподавателя МГИМО и давнего переводчика исследований канадского ученого: ТЕРИН В.П. *Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада*. М.: МГИМО, 2000.

44 Гудков Л.Д. *Массовая литература как проблема. Для кого?* // Новое литературное обозрение. 1997. № 3(22). С. 78–91; СТЕПАНОВ Б.Е. *Борис Дубин и российский проект социологии культуры* // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 163–173.

45 Асоян Ю., МАЛАФЕЕВ А. *Открытие идеи культуры (опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков)*. М.: ОГИ, 2000.

46 Чередниченко Т.В. *Типология советской массовой культуры. Между «Брежневым» и «Пугачевой»*. М.: РИК «Культура», 1994; Чередниченко Т.В. *Россия 90-х в слоганах, рейтингах, имиджах: актуальный лексикон истории культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 1999. В 1990-е она также много печаталась в журнале «Новый мир».

47 Козлова Н.Н. *Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора*. М.: Институт философии РАН, 1996; Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. *Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения*. М.: Гнозис, 1996.

48 Асмолов А.Г. *Психология XXI века и рождение вариативного образовательного пространства России* // Мир психологии. 1999. № 1. С. 198–208.

установок» Георгия Щедровицкого – и особенно последователь диалогической философии культуры из кружка Владимира Библера. Еще с 1970-х Библер и его последователи активно искали возможности нового понимания воспитательного процесса как целостного и критического усвоения качественно разных, «неснимаемых» этапов мировой историко-культурной динамики, с их эпохальным своеобразием (в 1990-е на страницах московско-кемеровского альманаха «Архэ»)⁴⁹. Оригинальный вклад Библера к концу 1990-х сказался не столько в сфере академической философии, но, шире, в переосмыслении традиции Бахтина или реконцептуализации медиевистических идей Арона Гуревича. Особо стоит отметить его влияние на историко-научные идеи Анатолия Ахутина или Александра Огурцова.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

Российская культурология, официально признанная в 1990-е, в конструировании своей истории охотнее отсылала к исследованиям 1970-х или даже к идеям широко понятого Серебряного века, вплоть до наследия едва ли не пушкинских времен.

Другую сторону интереса к антропологической проблематике представляли гендерные исследования, которые развивались как часть «западного» поворота России к открытому обществу и правам человека. Под соответствующими рубриками получали зарубежное финансирование, например, Московский центр гендерных исследований при Академии наук и Европейский университет в Санкт-Петербурге. Уже в 1992 году один только фонд Макаруров поддерживал 25 центров, связанных с исследованиями такого рода по всей России. Московский центр проводил летние школы; специалисты по гендерным исследованиям с самого начала занимались публичной наукой и играли роль экспертов при органах власти⁵⁰. Развивалась и отечественная школа гендерной истории (в том числе и в рамках структур академического Института всеобщей истории)⁵¹. Это

49 См.: Кукулин И.В., Майофис М.Л. *Языковое конструирование образовательной политики и история советского образования: пролегомены к теме // Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 395–444. Творческую лабораторию Библера представляет его книга «Замыслы» (М.: РГУ, 2002).

50 ZIMMERMANN S. *The Institutionalization of Women's and Gender Studies in Higher Education in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union: Asymmetric Politics and the Regional-Transnational Configuration // East Central Europe*. 2008. Vol. 34-35. № 1-2. P. 134, 136, 139. О специфике гендерной истории см.: ROSSMAN E. *From Socialism to Social Media: Women's and Gender History in Post-Soviet Russia // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2021. Vol. 44. № 4. P. 414–432.

51 См.: РЕПИНА Л.П. «Женская история»: проблемы теории и метода // *Средние века*. Вып. 57. М.: Наука, 1994; и выпускаемый с 1999 года альманах Института всеобщей истории РАН «Адам и Ева», посвященный гендерной истории.

вызывало ожидаемое недовольство в консервативных кругах, но в тот момент проблемы феминизма и гендера еще не были в центре политической дискуссии.

Активными участниками нового движения были самые разные специалисты – в случае ученых старшего поколения подчас с довольно непростыми по своим траекториям карьерами еще советских времен. Характерен пример Игоря Кона, начавшего как антидогматический и популярный преподаватель исторического материализма из Ленинграда второй половины 1950-х (и затем член партийной команды Отто Куусинена по исправлению старой идеологической доксы), который через социологию и этнографию пришел в 1970-е к исследованиям дружбы и любви в рамках вполне признанной возрастной и социальной психологии, а также к занятиям полуопальной сексологией⁵². Именно Кон, а также Елена Здравомыслова, Анна Темкина, Ирина Жеребкина из Харькова⁵³, историк Наталья Пушкарева, затем Елена Омельченко из Ульяновска с их многочисленными коллегами сформировали когорту пионеров гендерных и квир-исследований в России конца XX века.

Многие другие принципиально новые направления исследований развивались гораздо медленнее. Например, постколониальные исследования в 1990-е были предметом интереса только отдельных авторов – в частности, Младины Глостановой, – но не получили институционального развития⁵⁴. Современные версии марксизма, постмарксизм и критическая теория вообще зачастую оставались достоянием обзоров современной западной литературы и не воспринимались как феномен политического порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КАК «МОДЕРНИЗАЦИЯ» РАЗОШЛАСЬ С «ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ»

Множество социальных и гуманитарных наук сформировало к концу века механизмы самоподдержки и обновления академического знания, оставаясь при этом в рамках весьма разных экономических и политических условий в стране – разрыв между крупнейшими центрами и остальными регионами/городами давал о себе знать. В качестве примера можно взять эволюцию социально-философской и теоретико-социологической

52 Пушкарева Н.Л. *Игорь Семенович Кон // Этнографическое обозрение*. 2011. № 4. С. 185–189; Тартаковская И.Н. *Игорь Семенович Кон и российские гендерные исследования: «В этом вопросе, как и в других, я занимаюсь наведением мостов между берегами» // Социологический журнал*. 2011. № 2. С. 138–143; Тумаркин Д.Д. *Игорь Семенович Кон // Антропологический форум*. 2011. № 15. С. 650–666.

53 Отметим важный сборник: *Введение в гендерные исследования: В 2 ч.* СПб.: Алетейя; Харьков: ХЦГИ, 2001.

54 Глостанова М.В. *Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века*. Автореферат ... доктора филологических наук. М., 2000.

среды Свердловска–Екатеринбурга, который весь исследуемый период оставался значимым центром производства знания об обществе. Соратники ключевого советника Ельцина начала 1990-х, Геннадия Бурбулиса, от нетрадиционного марксизма и интереса к постструктурализму на исходе 1980-х перешли преимущественно к руссиеведческой проблематике с использованием инструментария модернизационного анализа в широком спектре «локальных» аранжировок – от переосмысления «Вех»⁵⁵ до национал-популизма в стиле Жириновского, а затем Дугина⁵⁶.

В целом в России 1990-х коммуникация с ориентиром на академические стандарты в публичном пространстве оказалась затруднена. Свою роль сыграли политические разногласия и различающиеся представления о том, как должна делаться наука и каким должен быть идеал ученого. В этой ситуации не возникло предпосылок для создания большого воображаемого сообщества – так сказать «республики ученых» – и соответствующей идентичности (как в момент перестройки сложилось воображаемое сообщество читателей и почитателей Дмитрия Лихачева или публицистов-ученых из сборника «Иного не дано»). Составители сборника «Иное» середины 1990-х предпочитали в духе поздней методологической школы Щедровицкого говорить об узком круге обладателей особого, почти тайного, знания и особых ценностей⁵⁷. На первом плане оказалась не универсальность, а полезность в определенной области: эксперта по макроэкономике, редактора журнала с той или иной дисциплинарной привязкой, преподавателя философии или психологии и так далее.

Смогла ли наука 1990-х ответить на реальные или гипотетические вызовы и запросы *своего* политического сообщества – государственных или общественных институтов, большой «политической нации» или неоднородного по своему составу «интеллектуального класса»? Что представляли собой эти запросы – которые в XXI веке гораздо чаще артикулировались уже на языке внешнеполитических вызовов, глобаль-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

55 Скоробогацкий В.В. *По ту сторону марксизма*. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991; Он же. *Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи*. Екатеринбург: Наука, 1997; Он же. *Социокультурный анализ власти*. Екатеринбург: УрАГС, 2002; Лоскутов В.А. *Историческая природа марксизма: основания и система развития*. Свердловск, 1990; Он же. *Постсоветский тоталитаризм: «якорные стоянки» российской власти*. Екатеринбург: УрАГС, 2006.

56 Речь идет о лидере местного отделения Партии пенсионеров в 2000-е, одном из пионеров культурологии в Екатеринбурге начала 1990-х и профессоре сразу нескольких местных университетов: НЕКРАСОВ С.Н. *Социальный прогресс и проблема фетишизма*. Свердловск: УрГУ, 1989; Он же. *Жизненные сценарии женщин и сексуальность*. Екатеринбург, 1991; Он же. *Принцип деконструкции и эволюция постструктурализма* // Философские науки. 1991. № 1; ср. с его же трудами полтора десятка лет спустя: Он же. *Какая философия нам нужна. 250 классических взглядов на будущее*. Екатеринбург, 2009; Он же. *Как гарантировать безопасность России в глобальном мире*. Екатеринбург, 2009.

57 Чернышев С.Б. *Апология составителя // Иное: В 4 т.* М.: Аргус, 1995. Т. 4. С. 1–26.

ной конкуренции, а то и прямого политического заказа?⁵⁸ На деле гораздо более актуальной для описываемого десятилетия была задача преодоления советского изоляционизма, потребность вписаться в рамки общемировой идеологической или академической повестки дня.

В России 1990-х не возникало предпосылок для создания большого воображаемого сообщества – «республики ученых» – и соответствующей идентичности. На первом плане оказалась не универсальность, а полезность в определенной области.

Нам представляется, что выделенной вначале (по Михаилу Соколову и Кириллу Титаеву) социологической развилке «провинциальной» и «туземной» науки 1990-х соответствовала концептуальная дилемма универсальной *модернизации* и локальной *культурной/цивилизационной специфики* России, ее регионов (например Сибири, Поволжья или Северного Кавказа). Конечно, перед нами полюса, между которыми было много промежуточных позиций. Политически те, кто мыслил тогда в рамках модернизационных парадигм, также склонялись обычно к лагерю реформистов, против консерваторов – хотя, например, сторонники старого, «настоящего» (советского), марксизма далеко не всегда следовали за новоявленным патриотами или даже сторонниками КППРФ. Векторы политического выбора, научных и идеологических ориентаций не накладывались друг на друга в абсолютном тождестве, «без сучка и задоринки» – так, например, прогрессистов в духе «новых левых», критически относящихся к курсу президента Ельцина, объединял журнал «Свободная мысль» – наследник перестроечного «Коммуниста», – а журнал «Россия XXI» наряду с полуконспирологическими сочинениями редактора Сергея Кургиняна регулярно публиковал в 1990-е очень качественные и серьезные исторические работы.

Неслучайно именно понятие модернизации (или более расплывчатый концепт «реформы») стало тогда главным осевым представлением о развитии общества – как более специфицированная экспликация идеи прогресса. Уже во второй половине 1990-х во многих работах обществоведов акцент переносится на категорию «традиции» (во множестве аналитических

58 В качестве характерного курьеза можно указать последнюю, видимо, статью отставного академика-эстетика Анатолия Егорова (1920–1997), близкого родственника Михаила Суслова и директора Института марксизма-ленинизма, также академика-секретаря Отделения философии и права АН СССР времен «застоя»: Егоров А. Г. *О национальной безопасности и военно-политической стратегии государства // Социологические исследования.* 1994. № 3. С. 40–45.

трактовок, учитывая моменты ее изобретения, слома, синтеза и так далее)⁵⁹. Отчасти поиск «своей науки» даже вполне прозападно ориентированными «провинциалами» был частным академическим отражением более общего процесса: поиска национальной идеи, заданной еще администрацией Ельцина на втором сроке его правления, с «пиком» в 1997–1998 годах⁶⁰.

Одним из основных проводников упрощенной теории модернизации стала новая экономическая наука, которая, в частности, описывала переход от аграрного общества к обществу индустриальному, урбанизированному и желателно либерально-демократическому, помогала придать при необходимости более научный вид риторике реформ, ставшей базовой для правительства в 1990-е. Понятие модернизации с самого начала 1990-х в российской (и не только) обществоведческой литературе стало очень активно дополняться разными версиями цивилизационного подхода⁶¹. Обычно его принято критиковать как синоним релятивизма и партикуляризма, хотя в исходной точке анализируемых процессов к концу 1980-х обращение к цивилизации было синонимом нетривиальной аналитики, открывало простор для культурологического анализа⁶². В связи с цивилизационным анализом речь шла не только о реабилитации давних теорий Данилевского, Шпенглера или Тойнби, но и о критике самодостаточного и одномерного, предзаданного модернизационного пути. Однако уже к концу 1990-х тезис о «возвращении на столбовую дорогу цивилизации» сменился у многих обществоведов на тезис о многообразии и даже несоизмеримости разных цивилизационных парадигм⁶³.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

- 59** Ср. работу специалиста по старообрядческой экономике начала XX века: ЗАРУБИНА Н.И. *Самобытный вариант модернизации* // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 46–50; и общий обзор: Ионов И.Н. *Теория цивилизаций: этапы становления и развития* // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 33–50 (Ионов – редактор альманаха Института всеобщей истории РАН «Цивилизации» и автор школьного учебника: Он же. *Российская цивилизация: IX – начало XX века*. М.: Просвещение, 1998).
- 60** Паин Э.А. *Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы* // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 1. С. 58–90; Малинова О.Ю. *Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России* // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
- 61** Ср. дальнейшее развитие этих концептуальных «бриколажей» у историков России, особенно в регионах: Проскурякова Н.А. *Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии* // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.* / Побережников И.В. и др. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2011; Морозов Н.М. *Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии*. Дисс. Кемерово, 2014.
- 62** Шемякин Я.Г. *Проблема цивилизации в советской научной литературе 60–80-х гг.* // История СССР. 1991. № 5. С. 86–103; и более поздние труды: Он же. *Этнические конфликты: цивилизационный ракурс* // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 351–357; Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. *Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы: сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки. Часть I* // Латинская Америка. 2009. № 9. С. 4–20; Они же. [...] *Часть II* // Латинская Америка. 2009. № 10. С. 82–101.
- 63** Паин Э.А., Верховский А.К. *Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути»* // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Ответ. ред. Э.А. Паин. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210.

Характерны идеологические траектории четырех позднесоветских ученых, связанных с востоковедением и науковедением середины 1980-х: Евгения Рашковского, Андрея Фурсова, Сергея Кара-Мурзы и Бориса Ерасова. Почти каждый из них, пусть и в весьма разной степени, в 1990-е проделал путь от примата универсального к запросу на «русскую» локальность⁶⁴ (особенно ярко его продолжили в неосоветско-ревизионистском духе Фурсов и Кара-Мурза уже ближе к 2020-м). Если Евгений Рашковский был близок к кругу Александра Меня и интересовался философией Серебряного века еще с 1970-х, а затем продолжил и развил этот круг интересов в недолговечном журнале «Путь» (1992–1995), то Борис Ерасов (1928–2001) стал печатать свои статьи, включающие анализ российской тематики, уже после публикации важного для 1990-х учебника «Социальная культурология» (1994) (выдержавшего еще три переиздания в 1996-м, 1998-м и 2000 году).

Наиболее заметной фигурой консервативного направления на российской академической сцене был, вероятно, профессор МГУ Александр Панарин (один из создателей факультета политологии, лауреат Солженицынской премии 2002 года). В схожем духе аргументы западного неоконсерватизма пересказывали, перемешав с идеями Семена Франка и публицистики Александра Солженицына, такие разные авторы, как Александр Ципко, Юрий Каграманов (на страницах «Нового мира» и «Дружбы народов») и Леонид Поляков⁶⁵. Гораздо тоньше по стилю был опирающийся на солидный филологический багаж и переосмысление евразийства вклад в респектабельно-правую мысль 1990-х Вадима Цымбурского (1952–2009) – одного из авторов сборника «Иное»⁶⁶. Среди важных исключений – в смысле сохранения компаративного и социологического релевантного взгляда на российскую цивилизацию и ее особенности – стоит отметить работы 1990-х пионера урбанистики Александра Ахиезера и специалиста по Латинской Америке Виктора Красильщикова⁶⁷.

- 64** См.: Рашковский Е. *Целостность и многоединство российской цивилизации* // *Общественные науки и современность*. 1995. № 5. С. 63–71; Он же. *На оси времен. Очерки философии истории*. М., 1999; Он же. *Профессия – историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия*. М., 2001; Ерасов Б.С. *Новые координаты востоковедения и россияеведения: от капитала к криминалу* // *Восток*. 1998. № 2. С. 37–43; Он же. *Цивилизационное устройство общества: универсалии и самобытность*. М., 2001.
- 65** Фурсов А.И., Пивоваров Ю.С. *Русская Система: генезис, структура, функционирование: тезисы и рабочие гипотезы* // *Русский исторический журнал*. 1998. С. 1–117; Поляков Л.В. *Методология исследования российской модернизации* // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 3. С. 5–15; Макаренко В.П. *Русская власть (теоретико-социологические проблемы)*. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 1998; ср. тезис «Христианин, Солдат и Хозяин – слагаемые имиджа будущего Президента России» (Панарин А.С. *Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке*. М.: Логос, 1998. С. 234).
- 66** Цымбурский В.Л., Ильин М.В. *Открытое общество: от метафоры к ее рационализации*. М.: Московский научный фонд, 1997; Цымбурский В.Л. *Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика*. М.: УРСС, 1999.
- 67** См. его написанную еще в годы застоя большую работу: АХИЕЗЕР А.С. *Россия: критика исторического опыта*. М.: Философское общество СССР, 1991; переиздана в Новосибирске в 1997–1998 годах; Ильин В.В.,

Сложность приспособления «чужого» – модернизационного, социологического – языка к разнообразным «местным» – цивилизационным, историческим – реалиям отразилась на академическом уровне в дебатах о соотношении своей/локальной и мировой науки. Они были едва ли плодотворными, но весьма показательными⁶⁸. В самом конце 1990-х характерный в плане будущих разногласий XXI века идеологический кульбит совершил основатель самого радикально постмодернистского издательства «Ad Marginem» Александр Иванов, который решил сменить «донашивание» французских «образцов» на *местные* и даже вполне советские «оригиналы», походя обругав за периферийность и русско-американскую славистику (которая все предыдущее десятилетие была каналом трансляции «правильных» ориентиров). В плане литературно-идеологическом Иванов стал одновременно опираться на совсем другое «иное», чем Чернышев и Павловский за пять–семь лет до этого: на творчество редактора «Завтра» Александра Проханова, советскую приключенческую литературу 1950-х – середины 1960-х и теоретические концепции эмигранта Бориса Гройса⁶⁹. Большую роль, и позитивную, и негативную, в более широких поисках самоопределения сыграло обращение к куда более уважаемой для общего климата 1990-х «возрожденной» интеллектуальной традиции (досталинской или эмигрантской) – не только в России, но и в Украине и странах Восточной Европы.

Но, как было показано выше, апелляции к «Вехам» или даже к Николаю Бердяеву и Питириму Сорокину в науке конца XX века уже перестали работать (в отличие от отсылок к Роману Якобсону). Показательно, что запрос на дореволюционное прошлое университетов и отдельных дисциплин оказался довольно высок⁷⁰, но в 1990-е так и не возникло запроса на написание обобщающей истории для академической корпорации или интеллектуального класса в целом. Топика кризиса оказалась сильнее⁷¹. Относительно прежнего «третьемирно-го» фокуса теории модернизации бывшие страны социализма

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

АХИЕЗЕР А. С. *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы*. М.: Издательство МГУ, 1997; и др. Ср.: КРАСИЛЬЩИКОВ В. А. и др. *Модернизация: зарубежный опыт и Россия*. М.: Информарт, 1994. КРАСИЛЬЩИКОВ В. А. *Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций*. М.: РОССПЭН, 1998.

68 См. анализ уже десятилетие спустя: МОРОЗОВ В. *Вездесущая идентичность: российская политическая наука перед лицом западной гегемонии* // *Общественные науки и современность*. 2011. № 3. С. 62–72.

69 См.: *Философия, конъюмеризм и левая идея: Беседа с Александром Ивановым* // *Логос*. 2000. № 3. С. 4–17; *Западная славистика на рубеже тысячелетий. Беседа Вадима Руднева с Александром Ивановым и Драганом Куянджичем* // *Логос*. 2000. № 4. С. 4–17; Постоутенко К. *«Путинский проект» Александра Иванова: критические заметки* // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 1(47). С. 336–340; Жолковский А. *Телега на «славистику»* // *Там же*. С. 340–345.

70 Дмитриев А. *Переизобретение советского университета* // *Логос*. 2013. № 1. С. 41–64.

71 См.: Гиндилис Н. Л. *Из истории отечественного науковедения: 90-е годы* // *Науковедческие исследования*. 2015. С. 153–182. См. также важную сводную книгу начала 2000-х: *Наука и кризисы* / Ответ. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2003.

представляли собой нестандартный вариант «входа в современность», что осложняло применение этой теории к России. Кроме того, конечная точка модернизации в случае России оказалась довольно неопределенной, ведь страна не готовилась, например, к вступлению в ЕС – в отличие от Венгрии или Польши⁷². Запрос на возрождение антивеховского дискурса об «интеллигенции как таковой», обращенной к «народу» и ему служащей, не вышел за пределы малых групп историков, которые изучали прежнюю социалистическую или анархистскую традицию и сами к началу 1990-х стали ее наследниками⁷³.

Сложность приспособления «чужого» – модернизационного, социологического – языка к разнообразным «местным» – цивилизационным, историческим – реалиям отразилась на академическом уровне в дебатах о соотношении своей/локальной и мировой науки. Они были едва ли плодотворными, но весьма показательными.

Осталось сказать буквально несколько фраз о том, чего не хватало в науках о человеке и обществе 1990-х, но что пришло закономерно уже в начале нового тысячелетия. Это почти отсутствие не было результатом заговора молчания или нехватки квалифицированных переводчиков и заинтересованных издателей. О редукции марксизма мы уже сказали выше (например Теодор Адорно или Бенедикт Андерсон воспринимались скорее как часть нового западного канона, а не критики истеблишмента). Соответственно, Раймонд Уильямс или Эдуард Томпсон тоже были известны скорее лишь знатокам британской культурологии. Проблематика постколониализма, изучение секуляризации в рамках религиоведческих штудий, современная теория коммуникации и антропология будут осваиваться и переосмысляться на основании того набора идей и исследовательских инструментов, которые с энтузиазмом взяты на борт капитанами и матросами свободного научного плавания 1990-х.

72 SURMAN J., PETUSHKOVA D. *Between Westernization and Traditionalism: Central and Eastern European Academia during the Transformation in the 1990s* // *Studia Historiae Scientiarum*. 2022. Vol. 21. P. 439; BURAWOY M. *The End of Sovietology and the Renaissance of Modernization Theory* // *Contemporary Sociology*. 1992. Vol. 21. № 6. P. 774–785.

73 Речь идет о Конфедерации анархо-синдикалистов, основанной в Московском государственном педагогическом институте и о Товариществе социалистов-народников из московского Историко-архивного института. См. подробнее: Рябов П. В. «Община» и другие. *Возрождение анархического движения в СССР (1986–1988)* (www.youtube.com/watch?v=cVUV7xn0guU).

* * *

Наталья Владимировна Самутина, Наташа – наша коллега, памяти которой мы хотели бы посвятить эту статью, – прошла все стадии этой «корабельной иерархии», никогда не претендуя на административные регалии. Выучка у Бориса Дубина в Институте европейских культур, интерес к кино и новым формам бытования «классического наследия» и, наконец, к массовым практикам культурного потребления и производства – путь, заданный импульсом 1990-х⁷⁴. Соединение иронии и серьезности, междисциплинарность и открытость, отсутствие снобизма и почтения к субординации – ее уникальные черты, которые составляли и часть общего «пейзажа эпохи». Как бы ни были существенны для потомков панорамы, в целое складываются они не в каталогах, но благодаря сугубо индивидуальным портретам и личным усилиям, нашей памяти. Повседневность как открытие – это было и личным *научным* девизом Натальи Самутиной, и знаком времени – ее 1990-х.

**АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН**

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

74 Степанов Б. *Памяти Натальи Самутиной* // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 334–339; см. материалы «круглого стола» с ее участием: *Новый гуманитарий в поисках идентичности* // Новое литературное обозрение. 2002. № 3(55). В настоящее время книга избранных работ Натальи Самутиной готовится к печати.

